

ИССЛЕДОВАНИЯ

VESTIGIA SEMPER ADORA (К 200-летию со дня смерти Петра Симона Палласа)

А.К. СЫТИН

Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН, Россия, Санкт-Петербург;
astragalus@mail.ru

Вторая половина XVIII столетия стала золотым веком натуралистов и путешественников, среди них П.С. Паллас был одним из первых. Паллас был приглашен Екатериной II в Петербургскую Академию наук, совершил семилетнее путешествие по Российской империи (1768–1772), собрал огромные коллекции, написал множество трудов, создав особый жанр описания организма в среде обитания. Его идеи определили направления отечественной науки. Двойственность как определяющее свойство заставляла Палласа выбирать компромисс между Линнеем и Бюффеном, и в других отношениях амбивалентность становилась его стратегией. Важнейшим достижением стала методология изучения организма в естественной среде, предшествовавшая экологическому подходу нашего времени.

Ключевые слова: Паллас, XVIII век, методология естествознания.

Стиль натуралиста — один из главных ключей к его мировоззрению, так же как глаз его, манера видеть — ключ к его методологии.

Осип Манделъштам. [Литературный стиль Дарвина]

«*Vestigia semper adora*» — «Всегда чти следы прошлого», — сказал о Вергилии его эпигон Стаций. Латинская фраза грека по рождению стала афоризмом. Петр Симон Паллас, о ком мы вспоминаем 200 лет спустя после его смерти, начинал и заканчивал свои труды, цитируя древних поэтов. Темы их обыкновенно содержали сожаления о маловажности результатов им самим достигнутых по сравнению с заслугами предшественников и тщете усилий разума перед неисчерпаемостью познания устройства Природы. В своем путешествии Паллас руководствовался следами первопроходцев

Сибири — Д.Г. Мессершмидта, И.Г. Гмелина, Г.В. Стеллера, ссылаясь на рисунки и тексты, но при этом расставлял новые вехи и углублял колею. По его путеводным знакам впоследствии ориентировались сонмы исследователей, идут они и сейчас, иногда меняя траекторию движения. Труды знаменитого академика принято упоминать, составляя литературные обзоры в монографиях многих разделов наук гуманитарного и естественного цикла. Зачин отчетов «Еще Паллас....» — расхожая шутка геологических камералок. Таким образом, в истории русской науки Паллас — имя нарицательное, сопричастное пантеону классиков, почитаемых и вместе с тем едва ли не забытых. Причины тому не в малодоступности источников, пылящихся в фондах редких книг, и не в трудностях понимания тёмных текстов, написанных на старонемецком, французском с элементами немецкого синтаксиса или латыни, — еще при жизни Палласа большинству его научных трудов сопутствовал перевод, адресованный русским читателям, и не в лености нелюбопытных потомков суть.

Поразительно — при изменении угла и фокуса зрения, нацеленных на этот загадочный силуэт, размытый абрис не становится более резким. Счищая копоть, удаляя слои потемневшего лака и искажающих подновлений, с ветхого холста нам предстает лик отчужденный, суровый, взирающий на потомков слегка вкось и без улыбки на устах. Всматриваясь, мы отмечаем несоответствие сановной валяжности статского советника и кавалера орденов Святых Владимира и Анны с горечью многознания в погружённом в самого себя взоре анахорета. Противоречие позы благонамеренного чиновника в мундире с философическим скепсисом интеллектуала отмечено и мемуаристами, отзывавшимся о Палласе по-разному, но сходящимися также и в малопривлекательной черте двоемыслия (и даже двуличия). Коллеги ценили великого натуралиста и «острейшего наблюдателя», сожалея о несостоявшемся теоретике, при этом называя его характер «человеконенавистническим» (Э.Г. Лаксман) (цит. по: Дальман, Ордубади, 2011, с. 201).

Двойственность позиции Палласа как мыслителя сказывается, с одной стороны, в лояльности доктрине креационизма, декларируемой в официальных кругах, с другой — в прорыве мысли «поверх барьеров» и концепций — за пределы классической палеонтологии Ж. Кювье, минувя и натурфилософский туман шелингианства, и надмирный пафос «Космоса» Александра фон Гумбольдта, куда-то вперёд, обгоняя календарное время — к новому синтезу эволюционной биологии, экологии и генетики.

Как известно, не склонный к восторженным эпитетам зоолог-новатор Николай Алексеевич Северцов считал Палласа сверстником своего поколения ученых, а в начале XX в. геохимик и создатель учения о биосфере Владимир Иванович Вернадский увидел близость собственным взглядам в попытке различения им живого и косного вещества как дихотомии форм существования материи.

Неявный оппонент энциклопедистов, старших своих современников-картезианцев, Паллас противопоставил их чрезмерно разумному и механистичному мироустройству иной взгляд на природу. Являя собой типическую фигуру века Просвещения, Паллас, парадоксальным образом, опровергал его догмы и постулаты. Восхищаясь умением Карла Линнея верно очерчивать границы родов, Паллас пародировал его схоластический метод выделения классов по числу тычинок, положив тот же признак в основу различения описываемых им видов рода *Polycnemum* (современное название *Petrosimonia* Bunge) (Сытин, 2007). Полемицировал он и с другим кумиром своего времени — Жоржем Луи Леклерком Бюффеном, не находя ни в природе, ни в культуре примеров пресловутого трансформизма. Он видел в этом морфологическом континууме подобие Овидиевых метаморфоз. Паллас не только оттачивал слог, соревнуясь с Бюффеном на

ниве изящной словесности, он создал свой жанр описательной зоологии, по-новому решая проблему синтеза многообразия живых организмов. Оппозиция человека и эпохи интригует и создаёт некую завораживающую энигму самостояния учёного. Знаменитый афоризм, утверждающий тождество автора и стиля, прозвучал из уст Бюффона при избрании его в члены Французской академии 25 августа 1763 г. Именно в это время начинал свое научное и литературное поприще Паллас.

«Стили мышления — стили не только в искусстве, но и в науке. Принимая этот термин, я утверждаю, что стили бывают и в физической теории и именно это обстоятельство придает своего рода устойчивость ее принципам. Последние являются, так сказать, относительно априорными, по отношению к данному периоду», — писал физик Макс Борн (цит. по: Степанов, 1971, с. 45–46). Стил Палласа, имевший целью изобразительную точность словесного воспроизведения природного объекта, представлен в его латинских диагнозах: лаконичных и выразительных описаниях растений или животных. Пересоздание текста требовало величайшей изощренности языковых средств у русских переводчиков: «Шелковый карась. <...> Цветом, особливо живой, весьма прекрасный, голубо-серебристый или фиолетово-серебристый, блестящий, а к брюху бледно-розовый. Полоса по обе стороны к хвосту широковатая, продолговатая, иззелена-васильковая и серебристая. Перья подбрюшныя и подхвостныя киноварного цвета, а по концам червлены. Хвост темно-красный. <...> Зеницы золотыя; но над зорочком пятно алое. Находится в стоячих Даурских водах в великом множестве» (Паллас, 1788, Путешествие ... , 3, 2: 370–371, пер. В.Ф. Зуева). Неслучайно литературный стиль Палласа вызывал восхищение у Н.В. Гоголя и Осипа Манделштама. Последний, упиваясь искусством описаний Палласа, заметил: «Здесь барская изощренность и чувствительность глаза, выхоленность и виртуозность описи доведены до предела, до крепостной миниатюры <...> Натуралист преследует чисто живописные феерические задачи» (Манделштам, 1990, с. 368–369). Существенно, что публикация описаний новых видов растений и животных на двух языках — латинском и русском — до Палласа почти не практиковалось. Поиск лексических эквивалентов чрезвычайно обогатил отечественную научную терминологию. Изучение этих лингвистических взаимодействий в контексте времени и культуры является крайне интересной задачей, очевидно, требующей выбора специальных методов, быть может, структуралистских дискурсов.

Мишель Фуко в книге «Les mots et les choses» блистательно высказался о глубокой связи теории естественной истории и теории языка (см. гл. «Речь природы»). Анализируя историческое развитие эмпирических наук, он отмечает чрезвычайно значимое изменение представлений в области естествознания в интервале между 1775 и 1795 г. Прежде всего, он обращает внимание на изменение восприятия качества времени, уже не циклического, не линейного, а *внутреннего времени организации*. Одновременно естествоиспытатели переоценивают значимость признаков живых существ в соответствии с внутренним принципом *органической структуры*. В таксономии, по его мнению, она проявляется различными способами в отношении пересмотра иерархии признаков, изучения функционирования органов, выявления ансамблей взаимодействий, что приводит расхождению между классификацией и номенклатурой в ее прежнем, линнеевском, значении (Фуко, 1994, с. 252–258). Наряду с творцами этой семиотической революции: Ж. Жюсье (Joseph de Jussieu), Ламарком, Вик-д'Азиром и, особо, Кювье, неоднократно упоминается и Паллас. Однако в системе взглядов Фуко Паллас не может занять подобающего места. «В XVIII веке отсутствовало биологическое понятие `среды`», — утверждает Фуко (с. 186), ссылаясь на исследование французского филозофа G. Canguilhem (1965). Несправедливость этого заявления опровергает полевой

эмпирический опыт Палласа. Тщательнее своих современников он наблюдал организмы в природных условиях и во многом способствовал своими трудами утверждению именно «биологического» понимания их взаимоотношений со «средой», тем самым изменив парадигму развития естественных наук. Идея о географическом ландшафте как образователе органических форм ярко и парадоксально утверждавшаяся Л.С. Бергом (1977), присутствует в монографических очерках Палласа, например его описаниях родов галофильных ксерофитов, представителей семейства маревых (*Chenopodiaceae*), населяющих засоленные почвы пустынных сообществ Туранской низменности или Северного Прикаспия, таких как роды *Salsola* или *Petrosimonia*. Этот последний род в честь Палласа назвал великий систематик А.А. Бунге, продолживший исследования труднейших таксономических групп растений Старого Света.

Фактор времени, знаковый в системе меняющейся картины мира конца XVIII столетия, органически свойствен и умозаключениям Палласа, но течение времени он соизмерял с особым пространством — бурно прираставшей землями Российской империи. Премудрая царица присвоила владения польской короны в Европе, покорила Крым, приняла под свое покровительство степи киргиз-кайсацкой орды, освоила западное побережье Северной Америки до Калифорнии. Государство обогащалось народами и языками, чудесами флоры и фауны. В пространственно-временном континууме обнаруживались тектонические разрывы. Дискретные формы Паллас наблюдал в геологических явлениях — сложении формаций земной коры или чередовании трансгрессий моря (представлявшихся ему отчасти в образах библейского потопа), он слеживал их в процессах domestikации животных и наблюдал в устойчивости природных видов. Миграция калмыков из Прикаспийской низменности в Забайкалье, которой он был свидетелем, виделась ему эпизодом истории кочующих степных племён. Паллас, выявив органическую связь скотоводства номадов со свойствами почв и растительного покрова степей, предвидел нежелательные последствия земледелия в аридной зоне задолго до тотального освоения целинных земель во второй половине XX в. Так, отметив маломощность горизонта чернозема в почвах степной части Исетской провинции (южное Приуралье), он делает следующее заключение: «Большие степи должно оставить не занятыми, дабы не причинить никакого помешательства в выгодных Башкирских коноводствах» (Паллас, 1786, с. 8). Баланс потребления природных ресурсов и благосостояния общества определял содержание учения камералистов и физиократов, их взгляды на функцию государства контролирующего развитие экономики. Фундаментальность знания многократно усиливало прогностическую ценность выводов, что весьма ярко проявилось в заботе Палласа о населении лесной зоны. Он старался привить любовь к дереву у русских крестьян и землевладельцев, так как наблюдаемое им повсеместно потребительское отношение к лесу в России лишало их энергетических ресурсов в будущем. Взаимная заинтересованность в обмене информацией ученого и практика — характерная черта того времени, немаловажная, на пути к экономическому процветанию, прежде всего, зарождавшегося в России образованного общества — «третьего сословия». Любознательные люди встречались среди мещан, купцов, помещиков, священников, учителей и медиков, моряков и офицеров сухопутных войск. Испытывая потребность делиться практическими знаниями, многие становились корреспондентами Вольного экономического общества (ВЭО). Девизом его было слово «Полезное», а эмблемой — пчелиный рой над ульем. Заметки, опубликованные в «Трудах ВЭО», становились общественным достоянием. Паллас, как и его коллеги-академики, состояли как членами, так и руководителями ВЭО и, словно опытные пчеловоды, рачительно

трудилась над излечением мёда из восковых сот. Крупицы материального мира складывались в мозаику познания универсума, доступного посвящённым. Такую обратную связь предусматривал и замысел «*Flora rossica*» (СПб, 1784–1788) или «Описания растений Российского государства» (СПб, 1786) Палласа. Роскошное издание, осуществленное на средства Кабинета императрицы, на латинском языке представляло собой фундаментальную научную монографию по дендрологии, на русском — практическое руководство по лесоводству для российских губернаторов. Дешёвое переиздание «Описания растений...» (Тобольск, 1792) в типографии В. Корнильева свидетельствует об интересе к ней многих просвещённых русских читателей.

Утопический идеал века Просвещения — союз учёного и монарха во имя благоденствия народа и процветания государства едва ли не воплотился в реальность в отношениях Палласа и Екатерины Великой. «Потёмкинские деревни» лишь в духе времени декорировали достижения екатерининского империализма: осваивались завоёванные территории, возникали новые города, а старые подвергались перепланировке, составлялись земельные кадастры, рационализировалось использование ресурсов живой природы и недр, осуществлялись образовательные проекты. Паллас был деятельным сподвижником этих преобразований — Екатерина дорожила его экспертным мнением. Она поручила ему и преподавание ботаники своим внукам Великим князьям Александру и Константину.

Величие научного творчества Палласа заслоняет «слишком человеческое» в его личности. Двойственность и амбивалентность становится определяющим свойством того и другого, провоцируя биографа вступить в область семиотических игр.

Двойственность — архетипическое свойство Януса (*Janus Pater*) — в римской мифологии бога-привратника. Обращаясь к божествам, его приветствовали первым. Он научил людей кораблестроению, возделыванию земли и выращиванию овощей. Его атрибутами были ключи, а изображали его с двумя лицами, обращенными в противоположные стороны, и эпитетом его был «*Geminus*» — «двойной». Начало знаменовало и конец, а потому божество рубежа одновременно смотрело в прошлое и будущее «двухручной Янусовой головою». Итак, порог, привратник, ключи, двуликость...

Бинарная оппозиция заключена уже в самом имени нашего персонажа. Петр Симон — его христианское имя, а стало быть, его небесный покровитель — апостол Симон Петр, привратник рая, трижды отрекшийся от Учителя небесный ключарь и один из столпов евангелической церкви. Фамилия — Паллас — направляет к языческим коннотациям. «*Pallas*» — это Афина Паллада, иначе — Мудрость (при этом мудрость воинствующая). Но есть и другие античные персонажи, носящие это имя. В энциклопедии «Мифы народов мира» читаем: Паллас (*Πάλλας*)

1) сын титана Крия и Эврибии, брат Астрея и Перса. От брака Палласа с океанидой Стикс родились Нике («Победа»), Сила, Мощь и Зависть;

2) гигант, убитый Афиной в гигантомахии. Сдранной с него кожей она прикрывалась как щитом (Мифы ... , 1988, т. 2, с. 278–279).

Трудно найти пример соответствия имени и сущности человека воплотившийся убедительнее, но вместе с тем и здесь возникает дихотомия. Титаническая природа Палласа несомненна, ибо сил человеческих недостаточно, чтобы созидать направления в науках и одновременно насаждать лозы, взлелеивая крымское виноградарство и виноделие. При этом мощный олимпийский дух обитал в теле весьма брэнном — смолоду Паллас страдал

от воспаления глаз, геморроя, язвы желудка — но, невзирая на болезни, значительную часть семилетнего путешествия он провел в седле, не уступая в выносливости удальцам-казакам, но став к его завершению в свои 33 года совершенно седым.

Отражение мотива брачного союза с океанидой Стикс следует искать в содержании раннего сочинения Палласа «*Elenchus Zoophytorum*» (1766, Гаага) с эпиграфом из Якопо Саннадзаро, неаполитанского поэта, современника Высокого Возрождения: «Вот поросты морей, что донныне изучены мало, И кораллы, с трудом на подводных добытые камнях». В нем Паллас доказал, что зоофиты — организмы, как считалось ранее, составляющие переходное звено между животными и растениями, принадлежат исключительно к миру животных и что каменистая или роговая часть полипов представляет не что иное, как их твердый скелет. При этом Паллас обосновал два теоретических положения, направив развитие исследовательских поисков на многие годы вперед. Возражая против традиционного представления о трех царствах природы, он предположил, что правильнее различать тела косные (*bruta*) — инертные и органические — живые. Два вида материи разделены непреодолимой гранью и между ними не может быть постепенных переходов. Неживая природа является лишь мертвым субстратом, на котором осуществляется развитие жизни. Именно эту мысль, как упомянуто выше, исключительно высоко оценил В.И. Вернадский (1978, с. 124), посетовавший, что «Паллас, несомненно, придерживался этого взгляда неуклонно всю жизнь <...>, но среди кипучей работы не возвращался вновь к обоснованию своего мнения».

Второй блестящей идеей Палласа стало представление о соотношениях таксономических групп в виде родословного дерева с ветвями, отходящими от общего ствола. Жорж Кювье в своем «Похвальном слове Палласу», прочитанном 5 января 1813 г., отметил, что: «дерево организации дает множество побочных ветвей, и что не насилуя природы, нельзя расположить все существа по одной линии» (Кювье, 1860, с. 1024). Воображая родство таксономических групп в виде дерева, Паллас полемизировал с представлениями швейцарского ученого Шарля Бонне и его «лестницей существ», созданной знаменитым автором «Созерцания природы», прежде всего, с целью дидактической, но лишенной биологического содержания. Развивая представления о непрерывной связи органического мира, Паллас противопоставляет идее трансформирующихся форм свое понимание дискретности, ограничивающей и виды, и таксоны надвидового ранга. Постоянный поиск рубежа, порога, разделяющей линии становятся доминантой сознания Палласа, а следовательно и сутью его метода, мотивацией исследования и критерием его эффективности.

Вместе с тем Паллас продолжает исследования в области направленного совершенствования функционального назначения органов и возникновения приспособительных признаков свое понимание истинного родства (*affinitas*), для установления которого следует руководствоваться «всем строением и развитием организма (*structura et generandi modo*)». Из этого положения проистекает его интерес к морфологии, в том числе и анатомии внутренних органов животных, но вместе с тем внимание к габитусу, особенно заметное в исследованиях ботанической систематики богатых видами родов (*Astragalus* L., *Salsola* L.), ряд других родов семейства маревых (*Chenopodiaceae*), а также роды *Spiraea* L., *Gentiana* L. и др.

В избрании объектов исследования можно видеть эстетические склонности Палласа. Среди описанных им «чад моря» множество видов красивейших кораллов, изображения некоторых из них теперь украшают коллекционные серии почтовых марок. К сожалению, сам Паллас видел большинство их не в природе, а среди раритетов натуральных кабинетов и мог только догадываться об их подлинной красоте скрывающейся в водных хлябях, зато странные растения, населяющие засоленные почвы

пустынь Прикаспийской низменности, он изучил превосходно, считая их украшением этих унылых и знойных равнин. Мотив «украшенной» природы чрезвычайно характерен для естественно-исторических воззрений второй половины XVIII в. В нём особенно выразительно звучит мотив организма и среды обитания, находящихся в умиротворяющей гармонии, так явственно слышимой, например, в риторическом слоге Бюффона: «Олень» «Вот один из тех невинных, тихих и спокойных зверей, кои кажутся быть сотворенными для одного токмо украшения и оживления лесов» (Дух Бюффона, 1783, с. 177). Бюффон как будто и не подозревает о жестоких схватках самцов во время гона.

Паллас, сам нередко использовавший литературное клише об украшающем ландшафт животном или растении, знал о поединках представителей семейства оленьих (*Cervidae*) не понаслышке: «Течка у лосей бывает в сентябре и октябре. Тогда они дерутся между собой, а самые свирепые из самцов, если их ранят, бывают очень опасны и для охотников» (Соколов, Парнес, 1993, с. 369).

«Природа во всех своих произведениях устроила союз; все имеет свою пользу; все сотворено на известный конец; нет для наблюдателя ничего, чтобы не заслуживало его внимания», — развивает мотив гармонии природы Паллас в «Описании растений», в момент наивысшего взлета карьеры; не столь идиллическая картина откроется ему в период крымского уединения.

Но чередование гармонии и диссонансов в природе и жизни составляли некий музыкальный ритм, гениально выявленный в научной прозе Палласа Осипом Мандельштамом: «Картина огромности России слагается у Палласа из бесконечно малых величин <...> Безинтервальная характеристика невозможна» (Мандельштам, 1990, с. 363, 366). Во время «Физического путешествия» (1768—1774) Паллас, пытливо выявляя рубежи, открывал порядок слагающих земную кору геологических формаций, обнаружил очертания берегов древнего Каспийского моря. Он одержим поисками границы между Европой и Азией на протяжении всего маршрута. Проверая гипотезы предшественников, он сдвигает этот условный рубеж все дальше — минуя Уральские горы (границу между двумя частями света по ним проводил Даниил Мессершмидт), — дальше, за Енисей, по которому её установил Иоганн Гмелин, — дальше, до Даурии. Эта область Восточной Сибири стала для Палласа обетованным краем, где он мог «наблюдать Природу в самом ее бытии». Именно отсюда он описал большую часть новых видов животных и растений и ретроспективно наметил схему районирования северной Евразии, заложив начало биогеографии.

Но не все рубежи и пороги Паллас преодолевал. Перед некоторыми он останавливался, пропуская вперед других новаторов. Так, физик и акустик Эрнст Хладни, изучив глыбу самородного железа («Палласово железо»), выдвинул гипотезу о космическом происхождении этого тела, став основателем особого раздела астрономии — метеоритики. Отметив Валдайские горы как линию, южнее которой не встречаются эрратические валуны, Паллас не стал строить гипотез о причинах этого явления, но ледниковая теория возникла ещё при его жизни. В Прикаспийской низменности, в окрестностях новопостроенного Гурьевского редута (ныне г. Атырау, Казахстан), Паллас различал «двоякого рода комаров, которые нас жестоко кусали, и коих нигде в Европе не находится, как только при Каспийском море». Это были каспийский комар *Aedes caspius* Pall. (*Diptera*, *Culicidae*) и гирканский *Anopheles hyrcanus* Pall. (1771). О том, что второй из описанных Палласом кровососов является переносчиком малярии, мир узнал более столетия спустя. В 1880 г. французский врач Ш.Л.А. Лаверан предположил, что малярия вызывается простейшими, в 1894 г. паразитолог П. Мэнсон предположил, что малярия может передаваться человеку комарами, название *Plasmodium* было предложено в 1895 г. Э. Маркиафава и А. Чели. Экспериментальное заражение человека комарами

удалось осуществить Д.Б. Грасси в 1898 г., он же доказал, что переносчиками малярии в Италии являются только представителями рода *Anopheles*. Последовательность событий демонстрирует растяжение или сжатие времени в интенсивности изучения проблемы, а также излом траектории линии преемственности в развитии естественных наук. Но разброс научных направлений: метеоритика, палеогеография, медицинская паразитология, к коим, хотя бы и косвенно, был причастен Паллас, склоняет к размышлению о загадочной предопределённости бессознательного, притягивающей ученого к точкам роста древа познания.

Эта «врожденная избранность» Палласа была предъявлена учёному сообществу Европы уже в его ранних зоологических трудах, полемических и богатых идеями. Она способствовала его авторитету, репутации выдающегося учёного, и даже славе, которая позволила ему занять исключительное положение среди коллег Императорской Петербургской Академии наук и искусств и иметь заметный социальный статус в кругах столичной знати. Его распространившееся влияние на высшие сферы власти Российской империи неизбежно рождало зависть. Здесь следует приступить к дешифровке мифологического кода жертвы гигантомахии и Афины-Паллады (или Минервы).

Нет необходимости пояснять, что в русской эмблематике последней трети XVIII в. образ богини с копьём в руке и в оперённом шлеме безоговорочно принадлежал единственному персонажу — самой Екатерине Великой: «Минерва наших дней, гоня

Рис 1. Фрагмент титульного листа «Flora Rossica» Т. 1. СПб., 1784
 Восседающая на облаке, окруженная путти Минерва держит в правой руке ветвь описанного Палласом *Rhododendron chrysanthum* Pall. (*R. aureum* Georgi) — золотистого рододендрона. Лечебные свойства этого растения ценились очень высоко. Им излечился от боли в суставах автор этого рисунка и иллюстраций к «Flora Rossica» художник К.Ф. Кнаппе.

предрассуждение, достоинствам твоим награду подаёт» — сказано об указе 30 октября 1783 г. об учреждении Российской академии и назначении её председателем статс-дамы княгини Екатерины Романовны Дашковой (урожденной графини Воронцовой), стоявшей отныне во главе двух академий — Императорской Академии наук и художеств и Российской академии (Лозинская, 1978, с. 80).

Однако, несмотря на общепризнанные достоинства «председательницы муз» Дашковой, её холодному и практичному уму было всё же далеко до мудрости ясноокой Афины-Паллады — Екатерины Великой. Именно ей, «северной Минерве», посвящены следующие строки «Путешествия»: «Достопамятная милость, которую Ваше Императорское Величество щедро являете состоящим и возрастающим под высочайшим В. В. покровительством наукам, и в честь которой были бы в прежние веки, конечно, посвящены особливые храмы, делает и меня равномерно счастливым, повергнуть к стопам В.И. В. первые плоды моего по высочайшему В.В. повелению предприятого физического путешествия», — так обращался к монархине «всепопданнейший раб П.С. Паллас» в предисловии 28 апреля 1770 г., находясь в Уфе.

Щедрот источник, Россов радость,
Посланница и друг Небес,
Которой льют уста нам сладость;
А взоры, — жизнь и свет очес.

(Державин, 2002, с. 191)

В отличие от статс-секретаря Г.Р. Державина, профессор Паллас не часто приближался к божеству на короткое расстояние, а потому, не испытав разочарований, до конца жизни оставался паладином Минервы. Щедроты же пролились на него обильно. Екатерина финансировала издание «Российской флоры», стала соавтором «Сравнительного словаря всех языков и наречий, собранных десницею всевысочайшей особы» (СПб., 1787–1789), наконец, повторила жест, уже некогда совершённый ею с библиотекой французского философа Дени Дидро, — заплатив значительную сумму в виде приданного дочери Палласа, она оставила коллекции в пользование их владельцу. Государыня проявила мудрость и великодушие, позволив Палласу вновь путешествовать, а затем удалиться в Тавриду. Благодаря длительному крымскому уединению Палласа и его трудам наука собрала обильную жатву.

Итак, Паллас, как персонаж второго из упомянутых выше сюжетов о гигантомании, должен выступить как жертва борьбы богов и титанов, что и составит предмет индивидуальной и типологической дескрипции. Дашковой отведена в ней определяющая роль. Вот что пишет она о Палласе, вспоминая события, относящиеся к 1783 г.: «Этот ученый филолог, известный своим путешествием по России и открытиями по естественной истории, желая польстить литературному самолюбию Екатерины, довел расходы по напечатанию своего, так называемого сравнительного диксионера до двадцати тысяч рублей, не считая тех издержек, которые употребил императорский кабинет на рассылку гонцов в Сибирь, Камчатку и проч., чтобы собрать несколько голых, случайно пойманных слов на различных говорах» ([Дашкова], 1990, с. 214). Увы, как можно видеть даже из этой цитаты, причиной конфликта тогда, как и всегда, были деньги и власть.

Истоки битвы гигантов хронологически можно отнести к началу 1780-х гг., когда Паллас, как историограф Адмиралтейства, вступил на зыбкую стезю геополитики: «Итак, остается теперь только исследовать часть берегов Северной Америки между 50 и 40 градусом широты, которой по причине бурной погоды не могли осмотреть ни капитан Кук,

ни вышеупомянутый фрегат испанский», — писал Паллас в статье «О российских открытиях на морях между Азией и Америкой...» в Историческом и географическом месяцослове на 1781 г. (цит. по: Альперович, 1993, с. 94).

Осенью 1784 г. по инициативе Палласа возникла идея экспедиции с целью исследования северо-востока Азии и северо-запада Америки. Как полагают Д. Дальман и Д. Ордубади (2011, с. 197), истинной задачей мероприятия являлось окончательное присоединение Алеутских островов и побережья Аляски к Российской империи, но при этом сама Екатерина в своей зарубежной переписке педалировала исследовательский характер проекта, дабы скрыть его секретную цель. Руководителем должен был стать английский моряк Джозеф Биллингс, участник третьего плавания Кука в 1783 г. перешедший на русскую службу. Его опыт плавания в тихоокеанских водах был чрезвычайно ценен. Паллас рекомендовал его в руководители секретной экспедиции, которую поддержала Екатерина, финансировавшая её из средств Кабинета: «Употребление в расход по изустному повелению в мае 1785 года По письмам 27-го числа мая тайного советника графа Безбородко Профессору Палласу и флота поручику Биллингсу на разные приуготовления по случаю отправления сего последнего в некоторую Экспедицию семь тысяч рублей» (Сытин, 1997, с. 146).

1 июля 1786 г. Экспедиция Биллингса прибыла в Охотск, а год спустя была предпринята попытка на двух судах («Паллас», который вел сам Биллингс, и «Ясашна»

Рис 2. *Catharinaea sublimis* Pall. (*Macropodium nivale* (Pall.) R. Br.) — необнародованное название рода. Рисунок Х. Гейслера из неопубликованного сочинения Палласа «*Plantae selectae rossicae*» (ПФА РАН. Разр. 1. Оп. 121. Д. 15. Л. 165). Род назван в честь покойной Екатерины «несравненной покровительницы и доброжелательницы наук и искусств, особливо Ботаники и Естественной истории» (Сытин, 1997, с. 219)

под командованием его ближайшего помощника Г.А. Сарычева) пройти от устья Колымы через Берингов пролив в Тихий океан. В целом экспедиция была чрезвычайно результативна. Точнейшим образом были нанесены на карту береговая линия и острова Берингова пролива, при этом наблюдения велись не только с моря, но и сухопутными маршрутами на лошадях, оленьих и собачьих упряжках — Г. Сарычевым открыты горные сооружения в бассейнах рек Колымы и Омолона, Биллингс пересек Чукотское нагорье. Оба путешественника представили многотомные отчеты. Кроме топографически сведений в них содержалась информация о Северо-Восточной компании, которой руководили «коломбы россия» — купцы И.Л. Голиков и Г.И. Шелихов. Деятельность предпринимателей представала не в самом благоприятном освещении. Так, побывавший на острове Кадьяк Биллингс писал: «Островитяне жаловались нам на обиды, чинимые им от русских промышленников, которые принуждают их ездить далеко на ловлю зверя, и потом отнимают у них весь их промысел» (Альперович, 1993, с. 98). Не заинтересованное в гласности руководство Компании, а также их столичные покровители — президент Коммерц-коллегии А.Р. Воронцов и канцлер А.А. Безбородко — влиятельнейшие лица Российской империи, сделали все возможное, чтобы дискредитировать деятельность экспедиции перед лицом Екатерины, а сам инициатор проекта Паллас был представлен как злонамеренный соглядатай. Утратив доверие, он получил высочайшее пожелание временно оставить столицу.

Вынужденный принять «*consilium abeundi*» (предложение уйти), Паллас отправился в путешествие по южным губерниям России (1793) и Крымскому полуострову (1794) за свой счет, проделав путь с женой Каролиной (урожд. Польшман), дочерью от первого брака Альбертиной и художником Х.-Г.-Г. Гейслером. Очарованный природой Крыма, Паллас получил разрешение поселиться в пожалованном ему Екатериной имении Шулю (ныне с. Терновка Севастопольского р-на) и 10 тыс. рублей на обзаведение и устройство виноградников.

Крымская земля оказалась поистине классической почвой, сохранявшей предания об эллинах и скифах, об изгнаннике Овидии (Палласом опровергнутое), об Ифигении — жрице храма Артемиды, укрытой девственной богиней от жертвенного ножа в далекой Тавриде. Земля и море отдавали множество сокровищ древности. Паллас не только знакомился с многочисленными археологическими находками (Тункина, 2002), но и пытался следовать указаниям античных географов, восстанавливая топонимы древних поселений и гаваней. Сам став новопоселенцем, он воплощает миф уже не античный, а гётеанский. Как новый Фауст, он преобразует ландшафт: строит дороги и насаждает деревья. Паллас умножил земельные владения и сделал собственные сады в окрестностях Симферополя и в Судаке образцовыми. Он старался усовершенствовать культуру крымского виноградарства и виноделия, обучая воспитанников казенного училища, открытого им в 1804 г. в Судаке. Следует помнить, что Крым тогда ещё не стал благословенным краем. Это был отдалённый рубеж империи, недавно завоёванная и сильно разорённая территория, с немногочисленным, враждебно настроенным населением, истощаемая малярией, засухами и нашествиями саранчи:

«Суровые зимы 1799 и 1880 годов вместо того, чтобы уничтожить это насекомое, послужили к его размножению. В начале мая появилась она большими кучами, особенно в южных долинах <...> Ее кучи представляли многие миллионы и, где они останавливались, земля казалась совершенно черной <...> Беда виноградику, где ночует такая куча <...> они пожирают не только все листья, но даже кору и почки молодых лоз, тогда эти лозы, белые как мел, полные сока, стоят все лето, не давая новых листьев <...> Очень уменьшившееся количество скворцов и других насекомоядных птиц

в Крыму дает мало надежды на истребление этой породы [саранчи], если только природа другими способами не уменьшит их распространения. Это и случилось в 1801 году, когда при теплых весенних днях это вредное насекомое начало везде шевелиться; наступивший в марте неожиданный мороз с изрядным снегом погубил большую часть цвета ранних фруктовых деревьев, но также истребил и всю молодую саранчу, так что на следующее лето из неописуемо огромного ее количества нельзя было найти ни одной [особи] этого вида» (Паллас, 1999, с. 181). Текст характерен для описательного стиля и научного метода Палласа. Картина природы лишена идеализации и точна в деталях, но вместе с тем предстает как единое целое, пронизанное бесчисленными связями. Современный читатель может увидеть начало экологического мышления в этом подходе. Сходные взгляды высказывали Линней и Бюффон, и они вполне согласуются с представлениями века Разума об изначально установленной гармонии в «экономии» природы. Однако вопреки антропоцентричному прагматизму эпохи Просвещения, или, словами Палласа, «врожденного нам корыстолюбия», он смещает точку зрения на взаимоотношения двух царств — животных и растений: «хотя оспаривать не можно, что не все растения для нас человек имеют непосредственную пользу, однако по крайней мере ведаем то, что они полезны зверям, полезны даже и насекомым, и потому польза сия хотя для нас и отдаленна, но впоследствии может она иметь особенное к нам отношение».

Пожалуй, новым в описании саранчи стали наблюдения Палласа о вымирании массового вида. В 70-е гг. он высказывался на эту тему довольно умеренно: «Я скорее склоняюсь к мнению тех, которые думают, что число видов от начала было учреждено такое, какое и ныне существует, и природа воспроизвела их целомудренно... Причем их связь предусмотрена творческим планом» (Соколов, Парнес, 1993, с. 254). Итак, в придворном и академическом Петербурге Паллас поддерживал доктрину креационизма, представления о постоянстве видов и предустановленной гармонии природы. В Крыму он мыслил более независимо:

«Можем ли мы, вообще говоря, сомневаться, что некоторые виды животных могут и совершенно исчезнуть с лица земли? <...> И найдется ли такой человек, который в наши дни видел бы в Европе тура, в Альпах каменного барана, на Корсике дикого сардинского барана? А между тем известно, что некогда все эти виды были обычными. Или можно представить себе, что какие-либо из не самых мелких животных не поддаются никогда истреблению природными катастрофами, зимними бурями и всякими другими бедствиями? Нет!» (Соколов, Парнес, 1993, с. 364). Катастрофизм стал философией Нового времени — эпохи Наполеона, Бетховена и Байрона, и его адепт, палеонтолог Кювье, впоследствии напишет похвальное слово, воздав должное заслугам Палласа как мыслителя. Однако теории, концепции, научные революции преходящи. Но, к сожалению, и трюизм «одна природа вечна» в наше время неактуален. Природы в ее девственном состоянии уже не существует.

Поэтому труды Палласа представляют для нас ценность со временем лишь возрастающую. Истинный натуралист-полевик, он создал особый жанр описания животных, наблюдаемых непосредственно в среде обитания, жанр чрезвычайно насыщенный смыслами. Вот, например, что он пишет о летяге (*Pteromys volans* Linnaeus): «Сей удивительный зверек находится в местах, начиная от Уральского пояса, по всей Северной Азии и Сибири, если только там находится березник с елями и другими деревьями. Он выходит токмо по ночам либо в сумерках, и на березах ищет себе корму. Сей корм состоит из сережек. Где растет ельник, там кормится она почками цветошными и почками сих дерев. <...> Когда она лазит по березам, то трудно по причине серого ее цвета различить от белой коры сих дерев. Сим природа старалась премудрым образом предохранить их от ночных хищных птиц» (Паллас, 1786, с. 102).

Трудно удержаться от соблазна комментировать текст в духе советского науковедения, методы которого мы стараемся преодолеть: объяснив защитной функцией окраску летучей белки, имитирующую фон местообитания (криптизм), Паллас выступает здесь как провозвестник дарвиновского селекционизма. Можно, при желании, усмотреть в этом отрывке намек на созидательную функцию Творящей Природы, а можно просто восхититься точностью и пластикой прозы этого короткого абзаца в совершенстве выражающего содержание.

Но лучше, обращаясь к традиции Палласа, закончим этот небольшой очерк строкой любимого им Вергилия:

...labor omnia vicit
Improbus et duris urgens in rebus egestas.

...труд же упорный
Все победил, да нужда, что гнетет в обстоятельствах жестких.

Вергилий. Георгики (I, 145, пер. С. Шервинского)

Список литературы

- Альперович М.С.* Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII в.). М.: Наука, 1993. 240 с.
- Берг Л.С.* Труды по теории эволюции. Л.: Наука, 1977. 388 с.
- [Бюффон Ж.Л.Д.]* Дух Бюффона / пер. с фр. Алексея Малиновского. М., 1783. 278 с.
- Дальман Д., Ордубади Д.* Карл Генрих Мерк и северо-восточная географическая экспедиция Биллингса–Сарычева 1785–1795 гг. // Немцы в России: встречи на перекрестке культур. СПб.: Росток, 2011. С. 197–216.
- [Дашкова Е.Р.]* Записки княгини Е.Р. Дашковой. М.: Наука, 1990. 512 с.
- Державин Г.Р.* Сочинения. СПб.: Академический проект, 2002. 714 с.
- Лозинская Л.Я.* Во главе двух академий. М.: Наука, 1978. 144 с.
- Мандельштам О.* Стихотворения, перевод, очерки, статьи. Тбилиси: Мерани, 1990. 416 с.
- Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2: К–Я. М.: Советская энциклопедия, 1988. 720 с.
- Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 2. Кн. 2. СПб., 1786. 571 с.
- Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства Ч. 3. Кн. 2. СПб., 1788. 480 с.
- Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства: пер. с нем. / отв. ред. Б.В. Левшин; сост. Н. К. Ткачёва. М.: Наука, 1999. 248 с.
- Степанов Ю.С.* Семиотика. М.: Наука, 1971. 146 с.
- Соколов В.Е., Парнес Я.А.* У истоков отечественной териологии. М.: Наука, 1993. 412 с.
- Сытин А.К. П.С. Паллас — ботаник.* М.: КМК, 1997. 338 с.
- Сытин А.К.* Misandria, или ненависть к тычинкам: Линней и Паллас // Линнеевский сборник / под ред. И.Я. Павлинова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. С. 13–24.
- Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
- Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
- Canguilhem G.* La Connaissance de la vie. 2 éd. Paris, 1965.

Vestigia Semper Adora
(The bicentary of the death of Peter Simon Pallas)

ANDREJ K. SYTIN

Komarov Botanical Institute, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;
astragalus@mail.ru

The second half of the eighteenth century was a golden age for naturalist and travelers, of whom Peter Simon Pallas (1741–1811) is one of the most important. Was in 1768 invited to St. Petersburg by the Empress Catharine the Great as an eminent naturalists. He spent six years (1768–1774) exploring the Russian empire. He amassed a valuable collection of plants, animals and minerals , including the meteorite “Pallas Iron”; returning with an extraordinary treasure of specimens, including a malarial mosquito (*Anopheles hyrcanus* Pallas). Pallas was a founder of some branch of the science, but most important was an idea that an environment (or geographical space) caused changes in the structure of organism. Pallas’s essentialy virtue was a constitutional bias to compromise between Carl von Linné and Comte de Buffon.

Keywords: Peter Simon Pallas, the eighteenth century, method of natural history.